

Давид Айзман

Домой

Давид Айзман

Домой

«Public Domain»

1909

Айзман Д. Я.

Домой / Д. Я. Айзман — «Public Domain», 1909

«Когда Азриэль объявил, что снова покидает Америку и уезжает на родину, в свой Ново-Николаевск, все знакомые напали на него, как на безумного. Кто в гневе кричал и бранился, кто весело издевался и гоготал...»

© Айзман Д. Я., 1909

© Public Domain, 1909

Давид Яковлевич Айзман

Домой

Когда Азриэль объявил, что снова покидает Америку и уезжает на родину, в свой Ново-Николаевск, все знакомые напали на него, как на безумного. Кто в гневе кричал и бранился, кто весело издевался и гоготал.

– На родину?.. Но ты взбесился?.. Дубина ты, на родину?!

Азриэль отмалчивался.

Он был малый простоватый, мысли рождались у него медленно, слова приходили лениво и с трудом, а когда уже и приходили, то оказывались как будто не совсем теми, которые нужны... Переспорить кого-нибудь он не надеялся и оправдаться не был бы в силах. Он поэтому молчал.

– Ты же сумасшедший, – с негодованием кричали ему. – На родину, туда, где тебя разорили, где убили твоего дядю, где сестру твою сослали на край Сибири, а брата дважды ранили! Там каждый день могут убить и тебя, и всю твою семью!

У Азриэля была широкая спина, большие крепкие руки, тяжелая голова с густой огненной бородой и круглые выпуклые, синие как небо глаза. Он задумчиво вперял эти глаза вдаль, когда его бранили, и в них появлялось тогда выражение спокойного упрямства. Мозг его работал напряженно, но неуклюже и как бы спотыкаясь.

«Говори. Что хочешь, говори... Дядю убили, да... И сестру Соню сослали – Туруханский край называется это место... Брата Симона ранили – сперва на баррикаде в ногу, а потом, когда был в самообороне, в грудь... Раны, – пишет отец, – до сих пор не могут закрыться, от них свело левую ногу, и Симон стал хромым... Да, это верно... Ну так что же? Так поэтому и оставаться здесь, в этой Америке?»

Пускай кто хочет, тот и остается. Азриэлю здесь нет покоя ни днем, ни ночью... Вот твердят знакомые в один голос, что на родине скверно. И это таки правда, что скверно; ого, какая это святая правда!.. Грязное местечко Ново-Николаевск, маленькое, улиц нет, домишки ничтожные, темно, воют по ночам собаки, а урядник Афанасий Иванович, так он злее всех собак вместе... Да, очень нехорошо в Ново-Николаевске.

Азриэль старался вспомнить все самое неприглядное и мрачное о родине... Это удастся ему без особенного труда... Но результат не меняется, и настроение остается все то же: тоска и тоска. Тоска и невольные грезы о родных местах... «Там Буг... Ведь Буг там!.. Зимой он замерзает. А летом в нем купаешься... Песок на берегу, а местами осока... Около винокурни песок, а где начинается лесочек, там осока... Когда базарный день, то во всем местечке большое оживление... Съедутся мужики, кто с молоком и яйцами, кто с пшеницей, кто поросят пригонит. Такой гармидер подымается, точно свадьба... Визжат поросята – черт знает, как громко они визжат!.. Овцы, например, – те ничего, те молчат. А поросята – поросята визжат, точно их режут. И гуси тоже гогочут... Народу пропасть, всех знаешь в лицо и по имени, и прошлое каждого знаешь, и виды на будущее... За церковной оградой – сад... Вообще – есть сады... Митингов нет – ого, задаст тебе Афанасий Иванович митинги! И театра нет, и газета не выходит, нет электрической железной дороги, – даже не знают люди, что бывает на свете такая дорога. Ну так пусть она и пропадает, эта электрическая дорога! Кому она нужна?... С ее грохотом, с ее свистом, с ее быстротой, – пусть она пропадет пропадом».

Оттого, что ум у Азриэля неповоротливый, парень в детстве учился плоховато. В торговле он тоже не успевал. Ремесло давалось ему лучше. Здесь, в Америке, упорным трудом и скромной жизнью, граничившей с настоящей голодовкой, он сумел сколотить кое-какие сбережения. Сколотив их, он вернулся на родину и открыл мебельную лавку. Но случился погром,

лавку разграбили, и Азриэль обнищал. Вторично поехал он в Нью-Йорк, вторично скопил здесь маленькую сумму, и, как и тогда, как и пять лет назад, снова стало его тянуть домой.

– Смеются надо мной? Ну что ж, пускай себе смеются.

И хоть не слишком проницательный был он человек, он видел все-таки ясно, что веселости в смехе этом немного. Смеются, а у самих кошки на душе скребут. Издеваются, а у самих печаль в сердце... И на него, Азриэля, сердятся потому, что своими грезами и постоянными разговорами о родине он только бередит незажившие, незаживающие раны... Что ж, с этими ранами надо обходиться осторожно. И не надо ничего больше говорить об отъезде. Надо молчать.

А в конце зимы, взяв из банка свои деньги, он сел на пароход и уехал в Россию.

Знал он, что и дома не одобряют этого поступка его, но на все махнул рукой. «Пусть попробуют сами, тогда и будут знать...»

Он приехал в тот большой город, в котором жил отец его, печник Калман.

Три года назад в октябрьские дни в городе этом произошел погром, один из самых кровопролитных. Калман, однако, не пострадал ничем. Ни один камень не влетел в окно его квартиры.

И когда из обширного погреба, куда набилось более ста спасающихся, и где в ежемгновном ожидании лютой смерти протомились они двое суток, семья Калмана вернулась в свое жилище, – все стояло там на месте, как и раньше, и с таким невинным, будничным видом, как если бы вовсе не прошли здесь ужас и убийство. И старая кровать с красным кумачовым одеялом; и недавно по случаю приобретенный сосновый шкафчик с плохо закрывающейся дверцей; и все пять табуреток, и этот ряд симметрично развешенных фотографических карточек... Ничего, все смотрит просто и спокойно, почти приветливо, почти добродушно... И от этого тяжело сделалось Калману и жутко. Он не мог победить в себе смутного чувства радости, явившегося от сознания, что скорбь уцелел, но радость эта страшна была ему и ненавистна, и мгновениями вспыхивало в нем желание взять эти подушки и собственными руками выпустить из них все перья, схватить это зеркало и изо всех сил треснуть им об пол...

Странно это было – но ему все казалось, будто воспользовался он какой-то непонятной и недоброй милостью врагов – тех, кто здесь поблизости разрушал и бил, и грабил, – и будто не рядом, не вместе с братьями стоит он теперь, а где-то в стороне от них, отдельно – и недалеко от громивших...

Вместе с женою своей Сурой он пошел в соседний двор.

Там все уже было убрано и подметено – слишком чисто подметено. Так старательно никогда не подметали в этом нищем, густонаселенном беднотою дворе. И тихо было здесь, и безлюдно. Черными провалами зияли разбитые оконные рамы – все до единой рамы были разбиты, – а когда к окнам подходили и в них заглядывали, то открывалась картина полного и свирепого разрушения.

Калман с женой остановились у ворот. Не хватало духа, не было сил пройти вперед... В этом доме подобрали одиннадцать убитых и около двадцати раненых. Крики ужаса, какие, может быть, услышишь только на войне, раздавались здесь всего два дня назад... Теперь все было тихо, безмолвно... Но это безмолвие давило душу, может быть, еще сильнее, чем самые страшные вопли... Калман стоял подавленный, понурый, часто мигал глазами, но слезы не текли из этих старческих глаз. Вся фигурка Калмана, маленькая, тщедушная, согбенная, даже когда смотрели на него сзади, говорила о тяжелой, о нечеловеческой скорби. Сура стояла подле мужа и держала его за руку... Она была сухая женщина, очень высокая и прямая, и темное лицо ее было сурово и сумрачно. Она ничего не говорила и только напряженно смотрела большими, черными глазами вперед, в глубину двора, туда, где в таком же безмолвии и так же неподвижно стояла другая женщина – маленькая кривая Бася, окруженная своими четырьмя малолетними детьми. На земле перед Басей было большое, темное пятно... Женщина смотрела на него долго,

упрямо, точно хотела пронзить землю взглядом, точно силилась вызвать из нее тайною силою глаз что-то очень важное, дорогое... Маленькие дети тоже смотрели на это пятно, а потом переводили недоумевающие глаза на мать. Дети тоже молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.